

На вопросы генерального директора Издательской группы «Закон» Владимира Багаева отвечает **руководитель Департамента дисциплин частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»**
Антон Александрович ИВАНОВ

«ВЕЩНОЕ ПРАВО — НЕ ИГРУШКА»

Родился 6 июля 1965 г. в г. Гатчине Ленинградской области. С 1982 по 1987 г. обучался на юридическом факультете Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета по специальности «Правоведение». В 1991 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Право собственности и товарно-денежные отношения».

В 1991–1994 гг. — редактор юридического журнала «Правоведение». В 1994 г. — соучредитель консультационной юридической фирмы «Балфорт». С 1997 по 1999 г. — начальник Санкт-Петербургского управления юстиции Министерства юстиции РФ. В 2004 г. — первый заместитель генерального директора, член правления ОАО «Газпром-Медиа». С 2005 по август 2014 г. — Председатель ВАС РФ.

С 1991 г. по наст. вр. — ассистент, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета СПбГУ.

С 2006 г. — научный руководитель факультета права, заведующий кафедрой гражданского права (ныне — департамент дисциплин частного права) ГУ ВШЭ (ныне — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ). Председатель ВАС РФ в отставке. Кандидат юридических наук. Ординарный профессор НИУ ВШЭ. Заслуженный юрист РФ. Член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ.

— **Антон Александрович, реформа вещного права так и не была завершена. Как Вы думаете, в итоге она состоится?**

— Можно вести речь о новом этапе в подготовке законопроекта о вещных правах. На недавнем заседании Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства было принято решение образовать рабочую группу для доработки части о вещных правах. Однако каким будет этот раздел, неясно. Так нигде и не артикулировано, какие же к нему были претензии. Поэтому даже если будет сделан новый проект, не исключено, что он снова не будет принят. Тем более что серьезные причины, которые утопили предыдущий проект, останутся.

— **Какие это причины?**

— Я думаю, что их несколько. Самая главная: слишком высока цена принятия этого раздела с точки зрения дальнейшей законотворческой работы. Сначала надо уничтожить три четверти Земельного кодекса, переписать Закон о регистрации недвижимости¹, вторую часть ГК. А к разделу о вещных правах ничего этого не прилагается. И даже сейчас рабочая группа, скорее всего, не будет ничего разрабатывать. Поставьте себя на место законодателя. Вы сначала примете раздел о вещных правах, а дальше будете думать, кто сделает все остальное? Или опять окажетесь в положении, в котором уже оказались? Взять хоть бы залог: связанные с ним изменения не сопровождались изменениями в Законе об ипотеке².

— **То же самое с юридическими лицами.**

— Верно. Сейчас все выглядит очень странно. Когда я читаю лекции, то вынужден объяснять студентам, что случилось с обществами с ограниченной ответственностью и акционерными обществами и как теперь примирять нормы Гражданского кодекса и специальных законов.

— **Это главная причина. Какие другие?**

— Есть субъективный фактор, связанный с пересечением разных отраслей законодательства. Вещные права традиционно заходят в зону действия природного, земельного, водного, лесного законодательства, которыми ведают разные комитеты Госдумы. Вдобавок поправки покушаются и на градостроительное законодательство, которое в последнее время превалирует над гражданским в части недвижимости и при этом перекраивает его основные конструкции по своему усмотрению. Хотя на самом деле должно быть все наоборот.

— **Были ли еще причины, по которым не пошла реформа?**

— Некоторые коллеги говорили, что третья причина — это инерция. Участники рынка не любят перемены и считают, что сейчас они пусть плохо, но как-то живут. Они для всего используют аренду...

— **Сопrotивление рынка чувствовалось при принятии всех «лоскутов» поправок в ГК. Как с ним бороться?**

— Мне кажется, должна быть политическая воля принять Кодекс, выраженная парламентским большинством. Должна быть организована серьезная работа, служебная или по контракту — как угодно. Нужны профессионалы, способные написать текст. Его все обсудят, а после этого внесут в Думу и быстро примут, всё. Я боюсь, что других механизмов для законопроектных работ у нас больше нет. Потому что рыночные отношения сложились, и любые изменения будут встречаться в штыки. В случае с поправками в часть первую ГК необходимой политической воли на определенном этапе не стало.

— **В 2012 году?**

— В 2011-м или даже раньше, когда начала работать группа по созданию в Москве Международного финансового центра. Она дала нулевой, а то и вовсе отрицательный результат, в том числе затормозила принятие поправок в ГК. Так что если нет политической воли, то нет и смысла заниматься этой работой, особенно бесплатно.

— **А почему разработчики не попросили оплаты за их работу?**

— Я спрашивал у некоторых людей, почему они не хотят взять грант, обратиться в Правительство с просьбой выделить финансирование. Они боялись, что им будут навязывать свои правовые конструкции.

— **Но чужеродные конструкции все равно появились.**

— Конечно! В итоге ни морального удовлетворения, ни денег. Одно разочарование и грусть. Вот наши законопроектные работы!

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

² Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

|| Мы давно находимся в условиях рыночной экономики, поэтому масштабные законопроектные работы *pro bono* осуществляться не должны.

Хотя и могут: пример с ГК, когда некоторые известные цивилисты решили потрудиться на своего рода субботнике, это наглядно демонстрирует. Но в идеале нужно было за эту работу платить, и большие деньги.

— **Насколько большие?**

— Если бы существовали нормальные организационные механизмы, то можно было бы обойтись теми деньгами, что выделяются из бюджета на подготовку законопроектов. Просто сейчас эти деньги идут не тем лицам и не в том порядке, который бы обеспечивал нормальную конкурентную среду.

— **Но они все-таки выделяются?**

— На законопроекты — да, периодически. Но, повторюсь, не тем, кто заслуживает их получения. Тех людей потом берут на подряде или субподряде.

— **А какой Вы видите нормально организованную систему разработки законопроектов?**

— Я считаю, что бюджеты и вообще ресурсы на все законопроекты должны быть у Минюста. Остальные госорганы должны быть лишены права готовить законопроекты. Максимум, что от них требуется, — дать правильное техническое задание. Оно поступает в Минюст, который создает и поддерживает площадку, объединяющую не университеты и не юридические фирмы, а физических лиц либо коллективы, которые будут конкурировать за соответствующие суммы. А Минюст должен принимать результат и оплачивать его. Другого варианта я не вижу.

— **Почему Вы против участия университетов?**

— Потому что какой-нибудь уважаемый университет может взять проект, не зная при этом, кто будет его выполнять. И заранее это не оговаривается. Поэтому предсказать, какое будет качество работы, нельзя.

||| Есть люди, в отношении которых нет сомнений, что они напишут текст. А есть люди с регалиями, которые неспособны это сделать. Нужно быть не с регалиями, а со способностями.

— **А кто в Минюсте будет оценивать качество? Это же сложно.**

— Да, это очень сложно, потому что предполагает содержательную оценку проектов. Несомненно, надо создать какой-то совет из независимых экспертов.

— **То есть одни эксперты будут писать, а другие их оценивать?**

— В целом да. В том числе оценивать будут потенциальные конкуренты. И не только оценивать, но и требовать ответственности за качество, за продуманность, за всесторонность рассмотрения вопросов. Не стоит допускать выражения в законопроектах своей особой доктринальной точки зрения. Сейчас очевидно, что при подготовке предыдущих поправок некоторые ученые реализовали в тексте свои субъективные взгляды.

— **Какие, например?**

— Например, по вопросу о том, является ли представителем юридического лица его единоличный исполнительный орган. Очевидно же, что изменения, закрепившие утвердительный ответ, носили вкусовой характер, отражали собственную точку зрения инициаторов изменений. Мне кажется, доктринальные мнения не должны выражаться в законопроектах, потому что существует множество взглядов и неизвестно, какой из них даст лучший результат.

— **А это единственный пример?**

— Нет, конечно. Хороша точка зрения, что надо отказаться от регистрации сделок с недвижимостью и перейти к регистрации прав. Ее придерживались те, кто разрабатывал поправки в ГК. Но решение досрочно отказаться от регистрации сделок в условиях отсутствия нужных правовых инструментов, позволяющих заменить отсутствие регистрируемого договора, привело к тому, что у нас стали невозможны сделки с недвижимостью под условием. И до сих пор невозможны.

— **Но если регистрация сделки шла одновременно с регистрацией перехода права, то смысла в регистрации сделки не было. А это встречалось часто.**

— Замечательно. Мы с вами заключили сделку, и я рассчитываю на то, что переход права произойдет на тех условиях, на которых мы договорились. А вы бере-

те и в одностороннем порядке отчуждаете объект недвижимости в нарушение договоренностей. Может, и правильной была критика позиции, которую высказал Пленум ВАС РФ в 1998 г.³, о возможности признавать последующий договор недействительным. А теперь никто не знает, как заключить обеспеченную запись в реестре сделку с недвижимостью под условием.

— **Регистрировались только договоры продажи жилых помещений и предприятий.**

— И это уже хотя бы что-то!

— **Что изменилось бы, если бы сразу приняли поправки по вещным правам?**

— Тогда отмена регистрации сделок была бы компенсирована введением вещного права приобретения чужой недвижимой вещи. И это право регистрировалось.

— **Если группа по реформе вещных прав предложит комплексные поправки в несколько законопроектов, каковы шансы их принятия?**

— Не думаю, что кто-то готов осуществлять комплексную реформу законодательства о вещных правах. Скорее всего, все сведется к изменениям проекта, который уже был когда-то внесен в Госдуму. Решение проблемы с ним очень простое: или оставить все как есть, или радикально его менять. Из него нельзя вырезать половинку материала.

|| Вещное право — не игрушка. Несовместимые концепции не смогут сложиться в пазл.

Поэтому мы либо сохраняем Земельный кодекс и в разделе о вещных правах регулируем аренду, либо «режем» Кодекс и создаем развитую систему законодательства о вещных правах.

— **Раньше Вы руководили разработкой проекта по реформе вещного права. Если бы Вы начали делать это сейчас с нуля, то пришли бы к такому же результату?**

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

— Мое мнение не изменилось на этот счет. Я считаю, что должно быть много вещных прав.

— **Вы говорили, что плохо, когда в законодательстве продвигается определенная точка зрения. Нет ли у Вас ощущения, что в законопроекте о вещных правах именно это и происходит? Например, считается, что владение — это только факт.**

— Там же нет фразы, что владение — это факт. Там просто урегулировано владение, причем в весьма обтекаемых формулировках. И, как мне кажется, все сознательно уходило от того, чтобы делать выбор между извечными доктринальными проблемами. Что касается набора вещных прав, то их много, поэтому каждый может выбрать то, что ему нравится.

— **В проекте есть раздел о защите владения. Многие ругают действующий Гражданский кодекс за ее отсутствие. Неясно только, как же мы столько времени жили без нее. Может, она не так уж и нужна?**

— Я считаю, что такая защита у нас есть и сейчас. Просто она осуществляется путем возбуждения уголовных дел или применения уголовных и административных мер силовыми структурами. Но — без должной правовой процедуры. Вернее, процедура есть, но она неадекватна природе сложившихся отношений. Кто-то захватил чужое имущество, а его сразу к следователю: «Ну-ка отдай! А то мы тебя арестуем и посадим в камеру». Всё.

|| Самые выгодные вещные практики у современных адвокатов — это уголовная и административная. Вот там владение защищается. А добиваться каких-то решений в области гражданских прав при помощи уголовно-правовых средств — это негодный метод. Поэтому у нас нет и гражданско-правовой защиты владения.

— **Это напомнило мне недавнюю историю с постройкой дома среди пятиэтажек в Кунцево. Тех жителей, которые решили помешать стройке, разогнал ОМОН и какие-то охранники. Это и была защита владения?**

— Да, граждане защищали свои частные интересы. Даже если земельный участок под жилыми домами на жильцов не оформлен, все равно у них есть право на его оформление и на получение его в долевую соб-

ственность в соответствии с имеющимися нормами. Поэтому их право требовать охраны того участка, который может при определенных обстоятельствах быть прирезан к их домовладению, на мой взгляд, сомнению не подлежит. А то, что другая сторона использует административные, а то и уголовные средства, — это (скажу аккуратно) с точки зрения римского права было бы дикостью. Представьте себе, что римский претор был бы нанят захватчиком чужого владения, чтобы принудительно выдворить оттуда законного владельца. Я думаю, что Гай перевернулся бы от этого в гробу!

— Отсутствие нормального регулирования вещно-правовых отношений проявляется и в том, что суды нередко признают существование вещных прав, даже не называя их таковыми. С этим столкнулся Конституционный Суд⁴, отголоски подобных дел доходят и до Верховного. Это нормальное явление? Или его можно было бы избежать?

— Началось все давно, когда Конституционный Суд запретиł выписывать заключенных из квартир, в которых они жили⁵. На основании этого возвращающихся из мест лишения свободы стали прописывать в жилых помещениях. А уже шла приватизация, и их иногда прописывали в жилых помещениях, которые были приватизированы и проданы. Видите? Казалось бы, либеральная мера, но она привела к неприятным результатам.

А все потому, что у нас при регистрации прав на недвижимость не было и нет полноценного принципа внесения, несмотря на то, что многие авторы утверждают обратное. Во-первых, у нас существует огромный массив прав, которые в реестре не отражаются, но тем не менее возникают и существуют. Во-вторых, у нас зарегистрировано, наверное, процентов 20 всех объектов недвижимости — это максимум, а значит, 80% остались вне реестра. Поэтому де-факто принцип внесения не реализуется. А в-третьих, постоянно возникают судебные и, между прочим, законодательные

решения, которые вопреки принципу внесения признают наличие прав на чужую недвижимость без соответствующих записей в реестре.

— Это поведение судов связано с игнорированием принципа внесения?

— Отчасти это еще и от неправильного представления о социальной функции государства. Потому что у нас государство только называет себя социальным, а в реальности решает социальные проблемы за счет частных лиц. И ситуация, когда в вашу квартиру прописывают чужое лицо вместо того, чтобы заплатить ему компенсацию из бюджета за то, что кто-то лишил его права на недвижимость и зарегистрировал это, по моему мнению, совершенно не вписывается в концепцию социального государства.

— Сейчас компенсация есть, но она очень мала.

— Да, один миллион рублей. И только за единственное жилье.

— Как правильно организовать систему компенсации?

— Ну, вот, например, немецкая модель: полная компенсация выплачивается за всякий случай лишения зарегистрированного права. Просто там таких случаев мало, а у нас их полно. Как это будет оплачиваться государством?

— Может, страховать такой риск?

— Какое это имеет отношение к социальному государству и государственным гарантиям, которые предоставляются в отношении зарегистрированных прав? Никакого. Тогда зачем права вообще регистрировать?

Я еще в 2003 г. опубликовал статью, где высказал позицию, что нынешняя система регистрации, которая носит фискальный характер и не дает гражданам никаких гарантий, хуже, чем система регистрации сделок, где формальностей и затрат намного меньше, а риски те же⁶.

⁴ См.: Постановление КС РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева».

⁵ См.: Постановление КС РФ от 23.06.1995 № 8-П «По делу о проверке конституционности част первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Ващука».

⁶ Иванов А.А. Пути ускорения процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Цивилистическая практика. 2003. № 2.

— А как Вы относитесь к тому, что определенная часть вещных прав в любом случае будет существовать вне реестра?

— Это должно быть исключением.

— Но это, в принципе, нормально для системы?

— Все зависит от массовости подобного рода ситуаций. Сколько у нас зарегистрированных браков? Где-то, наверное, миллионов тридцать. Там, как правило, есть совместная собственность, поскольку доля брачных договоров ничтожна. Значит, незарегистрированных прав у нас уже тридцать миллионов. Дальше, сколько у нас неоформленных земельных участков? Около 80%! Это еще полбеды. У нас ведь периодически еще и навешивают на собственников публичные обременения, неизвестно откуда взявшиеся, не записанные в реестре.

— Что Вы имеете в виду?

— Все началось с отнесения объектов к особо ценным объектам культурного наследия, и это принудительно записывали в реестр. Вы покупаете квартиру, не зная, что у вас памятник, а вам неожиданно вставляют запись об этом.

— И к чему это приводит?

— Это довольно серьезное обременение. Вам разрешено отремонтировать такую квартиру только в подрядной организации, которая имеет лицензию на ремонт памятников истории культуры. А услуги такой организации заведомо дороже. Вы должны сохранить элементы декора. Это разве не нарушение прав? Сейчас такой же подход собираются ввести в отношении земельных участков.

|| Я с ужасом думаю, что будет, когда реализуется проект, который сейчас идет через Думу, о замене семи категорий земель на режимы разрешенного использования⁷. Они же тогда вообще будут произвольно устанавливаться и меняться.

⁷ Проект Федерального закона № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и некоторые законодательные акты Российской Федерации (в целях совершенствования определения видов разрешенного использования земельных участков)».

То есть режим разрешенного использования вашего земельного участка может внезапно оказаться другим, не тем, что был раньше. И вы будете лишены возможности использовать этот участок так, как вы считаете нужным.

— В чем отличие от того, что есть сейчас?

— Сейчас зоны, которые можно свободно менять, есть только в землях поселений. Из-за этого постоянно возникали правовые проблемы. Например, вправе ли я при изменении зоны продолжать использовать земельный участок в соответствии с прежним назначением? Или расширять использование? Ведь я приобрел этот участок в расчете на это. Вправе ли я в таком случае требовать, чтобы у меня выкупили участок по старой рыночной цене? Вообще-то, такие вопросы должны быть решены в гражданском законодательстве, но их не решают.

— Нет ли здесь выхода на конституционно-правовую тематику, проблему защиты права собственности?

— Конечно есть. Но до этого еще не дошло.

— Как думаете, почему? У нас почти нет дискуссии о вещных правах в контексте защиты прав человека.

— А у нас почти нет организаций, заинтересованных в защите имущественных прав граждан. У нас есть какие-то правозащитные организации, но они в основном ориентированы либо на социальные права (это, например, профсоюзы), либо на политические (это, скажем, политические партии).

— Какие вопросы заслуживают внимания Конституционного Суда, но так и не были им решены?

— Например, я считаю, что в целом оставлен без решения такой вопрос: что, если законодатель уменьшает объем принадлежащего мне и признанного законом права или сферу его применения? Тогда, на мой взгляд, мне должна быть уплачена компенсация. Вспомните, что было, когда принимали Земельный кодекс. Тогда взяли и лишили обладателей права пожизненного наследуемого владения возможности сдавать земельные участки в аренду. И что? Молчание.

— **А до этого была такая возможность?**

— Да, конечно. Эта норма реально применялась в течение девяти месяцев. Был промежуток, когда коммунисты потеряли большинство в Думе. Тогда ввели в действие главу 17 ГК о правах на землю, и заработала эта норма. А потом приняли Земельный кодекс и сказали: нет больше права сдачи в аренду. Я считаю, что подобного рода ограничения вещных прав должны сопровождаться, например, установлением обязанности выкупа земельных участков по рыночной цене.

Или другие примеры: не рассмотрели вопрос об изъятии земель в Сочи для строительства инфраструктуры под Олимпиаду или на острове Русский. Там была специфическая проблема: как быть, если у тебя существует фактический объект недвижимости, находящийся на земельном участке, который тебе принадлежит на праве собственности, но не оформлен? Либо является самовольной постройкой, но ты его эксплуатируешь?

— **Но на самовольную постройку нет права.**

— А если неясно, самовольная это постройка или нет? И она существует уже много лет. Я вам приведу пример с «Речником». Там дома были построены в 1950-е годы. То есть сносились спустя 50 с лишним лет.

В итоге проблемы все накапливались и накапливались, завершившись «ночью длинных ковшей».

— **В последнее время появляются новые позиции Конституционного Суда о вещных правах. Например, постановление о vindикации выморочного имущества⁸. В нем сказано, что если государство не следит за своим имуществом, то оно будет считаться выбывшим по его воле, если мошенники его украдут.**

— Такая же правовая позиция была озвучена когда-то по спору об имуществе мусоросжигательного завода в Петербурге. Высший Арбитражный Суд сказал, что орган по управлению имуществом Петербурга должен

регулярно проверять, не зарегистрированы ли права третьих лиц на имущество, которое принадлежит городу. Если он не проверяет, то течет трехлетний срок исковой давности⁹.

— **Такой подход должен быть только по отношению к государству?**

— В первую очередь по отношению к государству. Я считаю, что дело о выморочных квартирах можно было решить иначе. Я еще в 2001 г. доказывал¹⁰, что Конституция предоставляет частной собственности повышенные гарантии по сравнению с государственной. Так что это дело можно было легко решить, сказав, что в данном случае приоритетной защите подлежит частная собственность.

Предоставление государству таких же гарантий, как частным лицам, де-факто нарушает принцип равноправия, потому что частные лица априори слабее, чем государство, наделенное властью.

Кроме того, в Конституции есть некоторые формулировки — сейчас, правда, они так не толкуются, — которые тоже позволили мне сделать вывод о приоритетной защите частной собственности.

— **О том, что права и свободы человека являются высшей ценностью?**

— Да, но сейчас это неактуально, как я подозреваю.

— **Вы уделяете много внимания новым технологиям в сфере права. Может, важнее развивать их, чем тратить время на реформирование уже устоявшихся отраслей? Вдруг виртуальный помощник сумеет решить больше проблем людей, чем чуть лучше написанный закон?**

— Я вижу потенциал в адаптации нашего законодательства под потребности цифровой экономики. Даже традиционные изменения в ГК неспособны дать таких радикальных результатов. Другой вопрос, что реаль-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца».

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 27.01.2009 № 10527/08.

¹⁰ Иванов А.А. Правовые средства защиты права частной собственности // Правоведение. 2001. № 6.

ных изменений не так просто достичь, как кажется. Потому что, как я уже шутил, смешно говорить о развитии «лигалтеха» на фоне блокировки *LinkedIn* и *Telegram*, а также других запретов. Например, я считаю, что совершенно без внимания осталась идея запрета российским провайдерам запускать трафик через иностранные сети. Это называется так: обособление национального сегмента Интернета. Но такое обособление приводит к снижению скорости передачи данных и повышению расходов. Или еще: вместо того, чтобы развивать Сеть и повышать ее скорость, мы теперь будем хранить на территории России персональные данные, организуем для этого огромные хранилища. Проблема в том, что для цифровой экономики это совершенно бессмысленные расходы.

— Это все про ограничения. Их можно просто не вводить, чтобы не мешать экономике. А что надо сделать, чтобы ей помочь?

— Те законопроекты в этой области, которые я видел, пока очень низкого качества. Поэтому, мне кажется, еще рано говорить о том, что стоило бы принять. У разработчиков отсутствует элементарное понимание того, что информацией нельзя владеть, персональные данные нельзя хранить. Однако все это термины из нашего законодательства, которые явно свидетельствуют, что люди рассуждают о понятиях цифровой экономики с позиции вчерашнего, а то и позавчерашнего дня.

— Возможно, в этом есть вина ученых, которые не интересуются этой областью.

— Несомненно. Мало кто занимается цифровыми вопросами. А когда я их спрашиваю об этом, мне говорят: «Ой, эта ваша цифровая экономика, не хочу иметь с ней дела, давайте лучше классические цивилистические институты прорабатывать. От этого будет гораздо больше пользы». А я считаю, что скоро от этих классических институтов мало что останется. Блокчейн вкупе с цифровой идентификацией многие из них радикально изменят!

— Какие вопросы должны быть решены в гражданском праве, чтобы цифровая экономика развивалась?

— В отличие от многих авторов я считаю, что начинать надо с общих понятий. Первое, что я бы сделал, — это

упразднил понятие информационного права как самостоятельной отрасли права.

— А разве оно есть?

— Есть даже научная специальность, можно защитить диссертацию по информационному праву. Поэтому надо подумать о том, чему мы учим людей. Надо понимать, что современная цифровая отрасль — это сфера применения норм права разной отраслевой принадлежности. Это могут быть гражданско-правовые или, скажем, административные нормы. И задача тех, кто работает в этой отрасли, четко определить природу отношений, которые в ней существуют.

Ключевой момент для меня — это разграничение гражданско-правовых и административно-правовых отношений, потому что здесь у нас явная путаница. Мы почему-то считаем возможным применять публично-правовое регулирование к гражданско-правовым отношениям в этой сфере и наоборот.

— Можете привести пример?

— Самый известный — это, конечно, право гражданина на персональные данные¹¹. Наше государство считает, что это право гражданину не принадлежит. И я как гражданин лишен возможности определить, где мои персональные данные должны храниться. Потому что за меня этот вопрос уже решили, сказав, что они должны находиться на серверах, расположенных на территории Российской Федерации.

— А если Вы скажете, что хотите хранить их в другом месте, не разрешат?

— Нет. Поверьте, если бы это было возможно, все компании уже давно написали бы в пользовательском соглашении, что пользователи дают согласие на то, чтобы их персональные данные хранились на территории США. Вы думаете, их по этой причине освободят от ответственности за нарушение законодательства о хранении персональных данных?

¹¹ См.: *Иванов А.А.* Хранение персональных данных за рубежом с точки зрения российского права // Закон. 2015. № 1.

Еще хочу отметить, что требует определения система объектов в сфере цифровой экономики.

— Можно же сказать, что объектом будет любое явление, имеющее экономическую ценность. Разве для этого надо что-то менять в законе?

— На самом деле не все так просто. В цифровой экономике есть объекты отчуждаемые, частично отчуждаемые, отчуждаемые на определенных условиях, с ограничениями. Природу этих отношений никто не оценивал. Они не укладываются в традиционные бинарные классификации вроде «абсолютное и относительное право», «имущественные и личные неимущественные права» и т.д. И чем больше этих объектов появляется, тем сложнее применять старые классификации. Помимо их природы надо разобраться с дого-

ворными формами, через которые передаются права на такие объекты.

— Может, дождаться, что скажут суды?

— Не стоит ждать. Я уже высказывался на Совете по кодификации, что позитивное регулирование необходимо. Иначе отношения по поводу биткойнов будет регулировать Следственный комитет, что они уже и делали неоднократно.

— Это как с защитой владения. Везде, где нет гражданско-правового регулирования, его начинают заменять правоохранительные органы.

— Это точно. Такова особенность российского права.